

II. 9. ΠΡΟΣ ΤΟΥΣ ΓΝΩΣΤΙΚΟΥΣ

ПРОТИВ ГНОСТИКОВ (33)

Краткое введение

Этот трактат (№ 33 в Порфириевой хронологии) фактически являет собой заключительную часть единого большого трактата, разбитого Порфирием на четыре части (остальные три части: III. 8 (30); V. 8 (31) и V. 5 (32)). Название *Против гностиков* также принадлежит Порфирию, о чем сам он пишет в *Жизни Плотина*, гл. 16, 1 (вероятно, названия остальных частей поделенного им трактата также принадлежат ему). Там же, гл. 24, 56–57, упоминается другое название: *Против утверждающих, что мир — зло и Творец его — злой*.

В этом трактате Плотин наиболее ярко и решительно от имени всей эллинской философии обрушивает свою критику против не-эллинской ереси — гностицизма (ересью это учение считали в равной мере и платоники, и ортодоксальные христиане). Среди друзей самого Плотина были гностики, кото-

рых ему не удалось обратить (см. гл. 10 данного трактата), поэтому он и его ученики немало времени и сил посвятили антигностическим спорам (см.: *Жизнь Плотина*, гл. 16). Плотин явно считал влияние гностицизма крайне опасным, способным развращать умы даже людей его круга. Невозможно изложить здесь все значение гностицизма (относительно верований гностиков, известных Плотину, см.: Puech M. *Entretiens Hardt V (Les Sources de Plotin)*. *Vandœuvres*, 1960. P. 161–190). Однако для понимания данного трактата важно уяснить те причины, по которым Плотин так подробно взялся оспаривать это учение и почему считал его влияние столь вредоносным. Учение гностиков казалось ему нетрадиционным, иррациональным и аморальным. Гностики презирают и ругают традиционный платонизм, пытаются противопоставить ему собственное, превосходящее его мудростью учение, но на деле те крупинки мудрости, которые в нем есть, заимствованы у Платона, а нововведения вносят бессмысленную путаницу, превращая традиционное, истинное учение в суеверную фантазию, годную разве что для театра и питающую их иллюзии о собственном величии. Они отвергают единственно верный путь спасения через мудрость и добродетель, через длительное и терпеливое приобщение к истине и достижение совершенства — это путь людей, почитающих мудрость древ-

них и знающих свое место во Вселенной. Они мнят себя привилегированной кастой живых существ, представляющих особый интерес для Бога и спасающихся не своими усилиями, но особым божественным Промыслом; и это, говорит Плотин, ведет к безнравственности. Хуже всего то, что они презирают и ненавидят видимый космос, отрицая его благообразие и благость его Создателя. Для платоников это недопустимое богохульство, тем более что оно в той или иной степени может быть редуцировано, хотя, разумеется, и в очень грубой форме, к учению Платона о «бегстве отсюда» (см. *Федон*). Эта точка расхождения Плотина в споре с гностиками сближает его с другими оппонентами гностицизма — ортодоксальными христианами, которые также настаивают на благообразии этого мира вследствие благости создавшего его Бога. Но и с ними, в свою очередь, он расходится столь же существенно, хотя и в иных аспектах, поскольку отстаивает не только благообразие материального космоса, но также его вечность и божественность. Мысль о том, что космос может иметь начало и конец, неотделима в его сознании от мысли об иррациональности и случайном характере творения. А отрицать божественность (хотя и подчиненную) Мировой души и таких прекраснейших из воплощенных живых существ, как небесные тела, для Плотина есть богохульство и неразумие.

Синопсис

Краткое изложение учения о трех ипостасях: Единое, Ум, Душа; их не может быть ни меньше, ни больше трех. Критика попыток увеличить их число, в частности, критика идеи двух Умов, один из которых мыслит, а другой мыслит, что он мыслит (гл. 1). Истинное учение о Душе (гл. 2). Необходимый порядок следования всех вещей и вечность космоса (гл. 3). Возражения против гностического положения о творении мира падшей душой и связанного с ним презрительного отношения к этому зримому космосу и небесным телам (гл. 4–5). Бессмысленность нововведений гностиков, их плагиат и искажение Платоновой мысли, а также их дерзкое высокомерие (гл. 6). Истинное учение о Душе мира и благообразии созданного и управляемого ею космоса (гл. 7–8). Опровержение возражений, исходящих из неравенства и несправедливости человеческой жизни (гл. 9). Смехотворная самонадеянность гностиков, которые отказываются признавать иерархию сотворенных богов и ангелов и только себе приписывают право быть сынами Божьими, ставя себя тем самым превыше небес (гл. 9). Абсурдность гностического учения о нисхождении Души (Софии), возникновении Демиурга и сотворении им видимого космоса (гл. 10–12). Обличение положения гностиков о космических сферах и их

влиянии на нас (гл. 13). Богохульство гностиков при попытке добиться повиновения высших сил посредством магии и абсурдность их утверждения об исцелении как изгнании демонов (гл. 14). Ложное «бытие вне» гностиков приводит к безнравственности (гл. 15). Истинное, платоническое «бытие вне», которое любит и чтит этот космос во всем его благообразии и красоте как наиболее совершенный образ умопостигаемого, в отличие от ложной «неотмирности» гностиков, ненавидящей и презирующей этот космос и его красоту (гл. 16–18).

1. Итак, нам теперь уже ясна простота и изначальность природы Блага, ибо все, что не первично, непросто. Природа Блага ничего не содержит в себе, но есть нечто единое,¹ поскольку природа, называемая Единым, тождественна [себе], т. е. дело не обстоит так, что есть что-то, чему приписывается Единое или Благо; тогда, говоря «единое» или «благо», мы должны понимать, что мы мыслим одну и ту же природу [, называя ее разными именами], ничего не сводя к ничему, но, насколько это возможно, проясняя для нас [природу Первоначала]. Оно — первое, потому что простейшее, оно — самодостаточное, потому что не состоит из многих, ибо будь оно составлено — оно зависело бы от составляющих; оно —

не в ином, ибо все, что в ином, происходит от иного. Если же не из иного, не в ином и никоим образом не составлено, то необходимо не имеет ничего сверх себя. Итак, не нужно искать других начал, должно полагать это Первое, потом — Ум, первоначально мыслящий, после Ума — Душу. Таков порядок, следующий природе вещей — не больше начал и не меньше установлено в умопостигаемом.

Ибо, если [допустить, что начал] меньше, тогда придется утверждать, что тождественны либо Душа и Ум, либо Ум и Первое; но что они различны, мы показали во многих местах многими способами. Теперь остается рассмотреть: если в сущем более трех начал, то какие кроме этих будут еще природы. Никто, пожалуй, не найдет начала более простого и возвышенного, чем вышеназванное начало всех вещей, имеющее быть названным способом; не будут же они, в самом деле, говорить, что одно начало существует возможно, а другое действительно; смешно ведь, в сфере вещей всецело действительных и лишенных материи, разделяя возможное и действительное, умножать природы. Это невозможно даже в вещах, которые после них. Не нужно выдумывать один ум в каком-то покое, а другой — как бы в движении.² Что бы это был за покой Ума, или что за продвижение [вперед] и изменение? Разве может лениться один ум, и что за дело может быть у другого? Ведь Ум вечно есть

он сам, и как таковой он положен в статичной деятельности. Движение к Уму и вокруг него есть уже дело Души; Логос, исходящий от Ума в Душу, делает разумной именно Душу, а не что-то среднее между Умом и Душой. Не должно творить многие умы, основываясь на том, что один — тот, кто мыслит, а другой — тот, кто мыслит, что он мыслит. Ибо если в наших умах отличны то, что мыслит, и то, что мыслит мышление, то все равно мышление есть единое схватывающее движение ума, не остающееся в неведении о своих деятельности. Поэтому смешно предполагать все это в истинном Уме; он будет полностью тождествен себе, так что тот, кто мыслит, и тот, кто мыслит мыслящего, будут одним и тем же. Если же нет, то один будет только мыслящим, другой же будет мыслить только мышление мыслящего, так что будут два мыслящих, а не [один] себе тождественный. Скажут, что различенность в божественном есть только по примышлению [т. е. только в нашем мышлении], но тогда придется им отказаться в первую очередь от множественности [божественных] ипостасей; затем следует рассмотреть, что будет, если хотя бы по примышлению взять Ум мыслящим, но не знающим, что он мыслит: если бы это случилось с нами, т. е. с теми, кто всегда знает свои страсти и помыслы, если только мы в надлежащей мере серьезны, то имелись бы все основания говорить о безумии. Конечно, истин-

ный Ум постигает в мышлении себя [, а не что-то иное], его мыслимое не вовне его, но он сам есть и свое мыслимое, а значит он необходимо обладает собой и видит себя в мышлении; и когда он видит себя, он видит себя не как лишенный мышления, но как мыслящий. Так что в его первичном мышлении будет содержаться и мышление того, что он мыслит, как единое сущее; ибо Там [в горнем] нет двойственности даже в мышлении. Если же он всегда мыслит то, что он есть, то на чем основано отделение в нем мышления от мышления мышления? Если же вслед за вторым различием, отделяющим в Уме мышление от мышления мышления, ввести третье — мышление мышления мышления, то получим еще более очевидную нелепость. Почему не продолжить [это деление] до бесконечности? Если же они [т. е. гностики] создают Логос, исходящий от Ума, а потом иной Логос — сущий в Душе и происходящий от первого, то они делают Логос промежуточным между Душой и Умом, а тем самым лишают Душу мышления, ибо тогда Логос дается ей не Умом, но чем-то иным, промежуточным: эйдол Логоса, а не сам Логос будет тогда иметь в себе Душа, и не узнаёт Ума, и вообще не будет мыслить.

2. Итак, ни большее число начал, ни большее число различий, неприемлемых умопостигаемым, полагать не должно, но [есть лишь] единый Ум, тождест-

венный себе во всем, непреклонный во всех отношениях, воспроизводящий Отца, насколько это для него возможно. В нашей же душе нечто всегда обращено к тем [высшим] началам, другое — к вещам этого мира, третье — к среднему между ними. Поскольку душа — одна природа во многих силах, постольку иногда она вся устремлена к тому, что лучше ее и что есть сущее; иногда же ее низшая часть увлекается долу и тащит за собой среднюю, ибо не может увлечь за собой всю душу. Эта страсть настигает ее потому, что она не осталась в прекраснейшем, где пребывает Душа, которая не есть часть нас, частью которой не являемся и мы [в нынешнем своем состоянии]. Эта высшая Душа дает вселенскому телу всё, что оно может иметь от нее, но сама остается досужей, управляя телом не благодаря расчету, и ничего в нем не выправляя: да, она упорядочивает его удивительной силой своего созерцания, созерцания Того, что прежде нее! И насколько Душа обращена ввысь, настолько она прекрасна и могущественна. Имея [свет] свыше, она дает его тому, что после нее, вечно освещающая и вечно освещенная!

3. Всегда освещаемая и вечно содержащая свет, она отдает его следующим за ней. Они же вечно сохраняются этим светом, воспаляются и наслаждаются своим участием в жизни, насколько могут.

Она — подобна огню, находящемуся в центре, — вокруг него греются те, кто способен принять тепло. Однако, наш огонь размерен, но безмерны силы Души, не отделимы от [божественно] сущих; как же могло бы быть, чтобы [тот огонь] не был сущим сам и ничто из сущего [здесь] не было бы ему причастным? Все, что есть по необходимости, отдает себя иному, иначе Благо не будет Благом, Ум — Умом, а Душа тем, что она есть, без того, чтобы первично живое не оживило вторичное, которое будет жить, пока живет первичное. Необходимо, следовательно, всем вещам существовать всегда и по порядку, друг через друга: одни, возникшие, происходят от иных — [высших]. Возникшие называются так не потому, что некогда возникли, но потому что и возникали, и будут возникать, и не разложатся; погибнут те, кому есть во что разлагаться, а те, кому не во что, не погибнут. Если же кто-нибудь скажет, что они разложатся в материю, то почему бы ему не сказать, что разложится и материя? Если же он скажет, что и ей необходимо разложиться, то мы спросим — для чего ей было возникать? Но если они скажут, что ей было необходимо возникнуть, как следствию существования высших начал, то мы скажем, что это и теперь необходимо. Если материя останется одна, тогда божественные [ипостаси] будут не везде, но в особом ограниченном месте, так сказать, отделенные от

материи некой стеной; если же это не так, то материя [всегда и повсюду] будет просвещена ими.

4. Если же они [т. е. гностики] говорят, что Душа творит после отпадения крыльев,³ то мы отвечаем, что не могла Душа всего этого претерпеть. Если они говорят, что творение мира произошло в результате нравственного падения Души, то пусть скажут о причинах падения. Пусть скажут — когда отпала. Если от века, тогда она пребывает падшей [только] по их мнению, если в какой-то момент, то почему не раньше? Мы утверждаем, что ее творчество более свидетельствует не о склонении долу, но об отсутствии склонения. Если же она склонилась, то, очевидно, забыла тех, кто [вечно пребывает] Там. Если же забыла, как творит? Каков источник ее творчества, если не то, что она знала Там? Если творит, вспоминая тех, значит, не совсем склонилась. Даже если они [т. е. божественные ипостаси или умопостигаемые сущие] присутствуют в ней теперь смутно, не лучше ли ей было [не творить], а склониться Туда [в божественное], чтобы видеть их ясней? Почему, если она имеет хоть какую-то память, было ей не подняться назад? Чего она рассчитывала достичь для себя творением? Славы? Смешно заимствовать для нее эту страсть у здешних скульпторов! Потом, если бы она творила, следуя рассудку, так что ее

творчество не было бы ее природой, а ее сила не была бы [сущностно] творческой силой, то как бы она сотворила именно этот космос? И когда она разрушит его? Если она раскаялась, что же медлит? Если же еще не раскаялась, то и не раскается, но со временем станет все более и более любить [ею созданное]. Если же она [терпит существование космоса, потому что] ждет отдельные души, то уже не должны были бы они вновь сходить в становление, еще в прежнем рождении испытав здесь зло; так что должны были бы уже и перестать являться сюда. И отнюдь не должно приписывать источнику этого космоса дурное происхождение из-за того, что многое в нем тягостно, — так думают те, кто ставит его слишком высоко, считая, что он должен быть тождественным умопостигаемому космосу, а не быть его образом. Однако [даже если он только образ], может ли возникнуть какой-либо другой образ — прекрасней? Какой другой огонь может быть лучшим образом умопостигаемого огня, нежели наш? Какая Земля могла бы быть лучше этой, после той [умопостигаемой, божественной Земли]? Какая сфера может быть более точной и согласованной в своем круговом движении после той сферы умопостигаемого космоса, которая сама охватывает себя? Какое другое Солнце могло бы быть после того, но прежде этого?

5. И вот они [гностики], обладая телами, какими обладают все люди, страстями, печальями и влечениями этих тел, телесную эту силу [реально] не презирают, но утверждают, что им доступно понимание умопостигаемого, а ни в Солнце, ни в чинах звезд нет такого, как в них бесстрастия! Они [т. е. звезды и Солнце], дескать, не лучше нас упорядочены, не более нас неизменны, их разумение не лучше того, которым мы обладаем! Мы — только что возникшие, те, которым на пути к истине поставлены столь многие преграды! Они говорят, что их души и души порочнейших из людей бессмертны и божественны, а целое небо и звезды в нем, много более прекрасные и чистые, чем они сами, бессмертной Душе не причастны! И это они говорят о небесных [светилах], видимых как нечто стройное, благорасположенное и благосогласованное, несравненно лучшее земных нестроений, о которых они так плачутся! Можно подумать, бессмертная Душа сама выбрала для себя худшее место, уступив лучшее душе смертной! Бесмысленно и введение ими какой-то другой [смертной] души, составленной из стихий: как мог бы этот стихийный состав обладать какой-либо жизнью? Ведь смешение элементов производит теплое или холодное или их смесь, сухое или влажное или их смесь. Как же душа, будучи тем, что поддерживает четыре стихии вместе, могла позднее их и из них

возникнуть? И когда они приписывают этой составленной из элементов душе восприятия, волнения и множество других вещей, то что здесь скажешь? Они не чтут этого творения или этой Земли, говоря, что для них уготована новая Земля,⁴ куда они придут, удалившись отсюда; эта «новая Земля» [на самом деле] есть Логос космоса. И потому зачем им рождаться в первообразе космоса, который они ненавидят? И откуда этот первообраз? Согласно их учению, он возник, когда его Творец уже склонился к этому миру. Получается, что Творец был весьма озабочен сотворением этого космоса, после того [умопостигаемого космоса], которым он и так обладал, но чем это могло бы быть вызвано? И если Он творит первообраз до космоса, то для чего? Для того, чтобы хранить там души? Почему же они там не сохранились? Или этот первообраз возник напрасно? Если же после космоса возник тот мир и Творец забирает туда, очистив от материи, эйдос, то уже одного испытания в этом мире было бы вполне достаточно для того, чтобы они впредь сохранялись в том. Если же они провозглашают, что душами принят эйдос космоса, — то что нового в этом учении?

6. Что нам должно сказать вводящим новые ипостаси — изгнания, отпечатки, покаяния?⁵ Если они утверждают, что таковы состояния души, что когда

душа кается, это «покаяние», а когда она созерцает образы сущего, а не само сущее, это «подобие», то все это новословие имеет целью создание своего собственного учения. Благодаря оторванности от древней эллинской школы, они изобрели свой кричащий язык, хотя эллины знали все это, и знали ясно, скромно, и без лишней помпезности они учили о восхождении из пещеры и постепенному продвижению ко все более истинным зрелищам [созерцаниям].⁶ Все ценное взято ведь ими у Платона, все же нововведения, появившиеся, чтобы установить собственную философию, непричастны истине. Потому что и законы, и реки Аида, и перевоплощения — [все они] взяты ими из Платона.⁷ И когда они производят множество в умопостигаемом: Сущее, Ум, Демиург, иной, нежели Душа — все это взято из *Тимея*; ведь Платон сказал: «Сколько и каких идей усмотрел Ум в Живом, как оно есть, столько и таких счел нужным осуществить Творец этого космоса».⁸ Они же, не уразумев сказанного, взяли один Ум как само сущее в тишине и покое, содержащее в себе всех сущих, а другой Ум после этого — как созерцающий сущее, и третий — уже дискурсивный. Часто место дискурсивного ума у них занимает душа-демиургесса. И они представляют, что Платон мыслил Демиурга отпавшим от знания того, что есть Демиург!⁹ Они исказили учение Платона и во всем, что касается демиургии,

и во многом другом, извратив учение великого мужа, как будто бы они [одни] понимали природу умопостигаемого, Платон же и другие блаженные мужи — нет.¹⁰ Они думают, что перечисляя множество имен умопостигаемого, они являют точность в раскрытии [этой природы], но сама эта множественность приводит умопостигаемое к уподоблению чувственному и низшему. В этих вопросах должно стремиться прийти к наименьшему числу [ипостасей] и после Первого все передавать Уму и завершать в Уме, который есть Всё Сущее, Первый Мыслящий, Сущность и всё иное прекрасное после первой природы. Душа же — начало третье. Различия [частных] душ должно искать в состояниях и в природе, несколько от божественных мужей древности не отрываясь, но благосклонно принимая мнения их, как старейших; и то, что они прекрасно говорят, брать у них — бессмертие души, умопостигаемый космос, первичность Бога, то, что должно бежать душе связи с телом, учение об отделении от него, о бегстве из рождений в сущность. Всё ведь это Платоном мудро утверждено, и тот, кто говорит так же, прекрасно делает. Если же чему-то хотя противоречить, то должны говорить без зависти, не превозносясь и не издеваясь над эллинами, представляя их учения слушающим, но показывать истинность своих учений, опираясь на их собственную правоту, утверждая их благожела-

тельно и философски. Противоречить должно справедливо, взирая на истину, а не браниться, охотясь за славой мужей, почитающихся с древности благи́ми и отнюдь не испорченными; не следует говорить: мы сами, мол, не хуже их. То, что сказано древними об умопостигаемом, лучше [их собственных воззрений], и высказано это было как подобает образованным людям, что легко узнается теми, кто не окончательно впал в обычные для людей заблуждения. То, что позднее было взято ими у древних, получило у них неуместные прибавки, там же, где они хотели противоречить, они ввели всеобщее возникновение и уничтожение, стали бранить космос, обвинили Душу в общении с [космическим] телом, стали поносить Управителя мира, отождествили Демиурга с Душой [мира], и стали приписывать ей страсти, свойственные частным душам.

7. Уже было сказано, что этот космос не начался и не прейдет, но существует всегда, пока существует умопостигаемое. И прежде них [т. е. гностиков] говорилось, что общение нашей души с телом — не самое лучшее [занятие] для души, но говорить о подобии, заключая от нашей души к Душе Вселенной, все равно что поносить прекрасно устроенный город, судя о нем по цехам горшечников и медников. Нужно все-таки принимать в расчет разницу между нашей

душой и Душой всего в их управлении телом, ибо не тождествен способ их управления; Душа Вселенной не ограничена телом. Существует и множество других различий, о которых сказано в других местах, но вот это должно принять наиболее близко к сердцу: мы ограничены телом, и оно уже стало нашими оковами. Душа мира, напротив, сама удерживает тело [мира] и уже внутри него [множество вещей и существ], которые оно собой обнимает; Душа мира не связана вещами, но связывает их сама, ибо она начальствует. Следовательно, она ничего не претерпевает от них; но мы не есть господа всех вещей; то в ней, что направлено к высшему и божественному, пребывает несмешанным и ему ничто не препятствует, а то, что дает жизнь телу, ничего от него не берет. Ибо, вообще говоря, если нечто существует в ином, оно претерпевает то, что случается ему по необходимости принять от этого иного, но само не дает ему той жизни, которой оно обладает. Например, если прививают одно дерево другим, то привой страдает штамбу, но если привой засохнет и будет удален, штамп будет жить своей собственной жизнью. Если огонь в тебе будет погашен, то отнюдь не погаснет вселенский огонь, поскольку даже если он и рассеется, то Душа мира ничего не претерпит, но только [изменится] состав ее тела, а если при этом оставшиеся стихии будут пригодны для существо-

вания какого-нибудь [другого] космоса, это и вовсе ее не озаботит. Поскольку устройство Вселенной не таково же, как устройство отдельного живого существа: во Вселенной Душа находится, так сказать, с поверхности вещей, которым она повелела пребывать [вечно каждому на своем месте], здесь же вещи, как пытавшиеся бежать невольники, двойными око-вами удержаны каждая на своем месте; во Вселенной же им просто некуда бежать. Следовательно, Душа там не удерживает мировое тело изнутри, чтобы сохранить его в единстве, не надавливает на него снаружи, внутри его не толкает, но ее природа пребывает там, где она пожелала быть изначально. Но если какая-то из частей космоса подвижна согласно своей природе, то от этого страдают те части, для которых это движение не согласно их природе; но те, что подвижны, подвижны прекрасно, как части целого; те же, что не способны вынести порядок целого, гибнут; так черепаха, оказавшаяся среди огромного хоровода, будет растоптана, не имея возможности избежать порядка его движения, если же сумеет в него встроиться, то ничего от танцующих не претерпит.

8. Спрашивать, почему Душа создала космос, то же самое, что спрашивать, почему есть Душа или почему творит Демиург. Это вопрос людей, предпо-

лагающих [во-первых] начало того, что существовало всегда, и [во-вторых] обращение творящей силы от одного к другому, [и как следствие —] ее изменение. Поэтому они должны быть научены, если бы смогли принять поучение благосклонно, какова природа этих вещей, чтобы остановить их поношения того, чему следует воздавать честь, чтобы их поверхностное легкомыслие сменилось благоговейной осторожностью, которая должна здесь возникать. Ибо не прав осуждающий управление Вселенной, потому, в первую очередь, что Вселенная демонстрирует величину умопостигаемой природы. Мир пришел в жизнь не таким образом, что его жизнь есть что-то несвязное, она не подобна тому мельчайшему в нем, что он от полноты жизни производит днем и ночью, но он непрерывен, ясен и велик, и повсюду жив, являя собой безыскусную мудрость, — как же не назвать его очевидным и прекрасным изваянием умопостигаемых богов!¹¹ Если же, будучи подражанием, он не есть само умопостигаемое, эту свою подражательность он имеет согласно своей природе, ибо будь он самим умопостигаемым космосом, не был бы уже подражанием. Но это ложь, что подражание не подобно [первообразу], ибо в нем не отсутствует ничто из того, что делает его прекрасным природным образом [умопостигаемого]. Это подражание существует необходимо, не будучи изобретением и не из

расчета,¹² но потому что умопостигаемое не могло быть последним. Оно ведь имеет двойное действие: одно в себе, другое — в ином. Тогда должно быть и что-то после него; только наиболее нѣмощная из всех вещей ничего не имеет ниже себя. Но Там бежит удивительная сила, так что она [необходимо] будет действовать. И если есть другой космос, лучший, чем этот, то что это за космос? Если необходимо должен быть космос, сохраняющий подобие умопостигаемому, а другого нет, тогда таков именно наш космос. Вся Земля полна существ живых и бессмертных, и все полно ими вплоть до неба; разве звезды — и те, что в высших сферах, и те, что в низших — не боги? Они — движущиеся в порядке и кругообращающиеся в красоте? Почему они не обладают добродетелью; что мешает им иметь ее? Там нет ничего из того, что делает здесь людей дурными, нет и дурного [испорченного, здешнего] тела — тяготящего и отягощенного.¹³ Почему бы им не обладать пониманием в их вечном мире и не схватывать умом Бога и умопостигаемых богов? Почему наша мудрость будет превосходить их мудрость? Кто, если только он не сошел с ума, сможет поддержать это? Если те души, которые здесь, пришли сюда принужденные Душой всего, то как эти души могут оказаться лучше [тамошних, не знающих принуждения]? Ибо среди душ обладающие властью — лучшие. Но если души при-

шли сюда добровольно, то почему ты [гностики] поносишь мир, в который пришел свободно, ведь этот мир дает возможность уйти тому, кому он не нравится? Если же эта Вселенная такова, что позволяет обладать мудростью, будучи в ней, и, находясь здесь, вести образ жизни, согласный тамошнему, то разве это не свидетельствует о том, что этот мир зависит от Тех [высших существ]?

9. «Но и богатство, и бедность, и неравенство — все суть в этих земных вещах»; говорящий так не знает, во-первых, что муж ревностный и благой не ищет в этих вещах равенства и не считает, что человек, имеющий богатство, тем самым обладает и преимуществом, или что власть имущие обладают превосходством над частными гражданами; он оставляет заниматься этим другим людям. Он знает, что здесь есть два образа жизни: один для человека ревностного и благого, другой — для большинства людей; путь мужа благого устремлен к горнему и высочайшему; путь большинства, опять же, двойственен: один — тех, кто помнит добродетель и участвует в каком-то благе, другой — невежественной толпы, которая, так сказать, трудясь руками, служит лучшим [людям] для необходимого [т. е. для удовлетворения их необходимых нужд]. И если кого-то убивают, а кто-то порабощается удовольствием в силу

собственного бессилия — что в том удивительного, что грехи суть не в умах, а в душах, подобных невозмужавшим юнцам? Что же, земля не прекрасна только из-за того, что она, как гимнасий, имеет победителей и побежденных?¹⁴ Если с тобой обошлись несправедливо, что в этом страшного для бессмертного? А если ты убит, то не получил ли того, что желал? Допустим, ты невзлюбил мир — быть его гражданином нет необходимости. Они [т. е. гностики] согласны с нами, что уже здесь есть законы и наказания. Как же после этого можно ругать город, воздающий каждому по заслугам? Где и добродетель прославляется, и зло заслуженно бесчестится, где не только изваяния богов, но и сами боги смотрят на нас с небес,¹⁵ боги, которые легко оправдаются от людских клевет, как те, кто ведет вещи от начала до конца, давая каждому в смене жизней долю, соответствующую совершенному им в предшествующих. Не знающий этого принадлежит к тем безрассудным людям, которые мужиковато ведут себя относительно вещей божественных. Следует стремиться самому стать совершенным, насколько это возможно, отнюдь не считая, однако, что это возможно одному тебе, ибо думая так, ты не станешь полностью совершенен. Есть ведь и иные совершенные люди, и еще более благи ангелы; много совершеннее боги, явленные в этом сущем, но взирающие Туда, а всех

выше водитель всего, блаженнейшая Душа. Затем уже и умопостигаемых богов гимнословим, и потом — над всем великого Царя тамошнего, и особенно [воспеваем] Его величие, явленное во множестве богов. Не ограничивать Бога единым, но показать Его в Им явленной множественности — вот дело знающих силу Бога; ведь пребывая Собой, Он сотворил многих богов, которые все зависят от Него и существует через Него и от Него. Божественен и весь этот космос — через Него он есть и на Него взирает; все боги и каждый из богов в космосе открывают людям то, что Его, они прорицают в оракулах милое умопостигаемым богам. Если же эти боги не суть то, что есть Он, то само это [различие] есть согласно природе. Если ты хочешь смотреть на них с презрением и вознести себя как ни в чем им не уступающего, то, во-первых, соответственно человеческому совершенству возрастает и благосклонность ко Вселенной и к людям; далее, возвеличивать себя должно в меру, не как [хвастливые] мужики, но насколько наша природа, вообще говоря, может возвыситься; и другим должно полагать место близ Бога — не мы одни после Него существуем; думающий таким образом, как витающий во снах, лишает себя возможности стать богом, даже насколько это возможно для души человеческой; а это возможно для нее настолько, насколько она ведома Умом; ставя же себя выше

Ума, ты уже от Ума отпал. Но глупые люди верят, когда слышат: «Ты будешь лучше всех, не только людей, но и богов» — много ведь в людях самонадеянности, и вот униженный, заурядный, частный человек слышит: «Ты — сын Божий, а те, которыми вы восхищались, те, кому поклонялись вы и ваши отцы, не суть дети Божьи; и не прилагая усилий, ты лучше этого неба...», тут и другие крик поднимают — ну как ему устоять?¹⁶ Уподоблю это некоему человеку, который в толпе, считать не обученной, и сам считать не умея, услышал однажды, что рост его тысяча локтей, рост же других — пять локтей. И что же? Он будет считать себя ростом в тысячу локтей, полагая, что тысяча есть число великое [и его достойное].¹⁷ Теперь, если согласиться с тем, что Бог действительно промышляет о вас, то как Ему не заботиться о целом космосе, в котором вы существуете? Что, не имеет Творец досуга? Или желания? Или Он не имеет о низшем попечительства, а на тебя смотрит? Почему [вы утверждаете, что] взирая на вас, Он [Творец] смотрит внутрь, а взирая на космос, в котором вы пребываете, вынужден вне Себя смотреть? Но если бы Бог не имел попечения о космосе, то и вас бы не видел. Да, вам нет в Нем нужды. Однако, космос нуждается в Боге, он должен знать свой строй, и все те, что существуют в космосе, должны знать — как они пребывают здесь и как Там. И те

из людей, которые друзья Богу, кротко всё от космоса приемлют: то приходящее от движения всех вещей, что им вынести необходимо, с тем они соглашаются; ибо должно смотреть не на то, что приятно каждому, но на то, что [приятно] Всему, воздавая каждому по достоинствам, стремясь к Тому, к Кому стремится всё, что может стремиться. Многие стремятся Туда, и достигающие этого — блаженны, другие же, согласно тому, что оказалось возможным для них, имеют соответственную судьбу. Не нужно только [исключительно] себе [заранее] приписывать эту возможность [, о гностики]. Поскольку, если кто-нибудь скажет, что имеет что-нибудь [, на самом деле не имея этого], то, благодаря этому [своему хвостовству], иметь этого уже не будет. Но они говорят, что они имеют многие вещи, хотя и знают, что не имеют их; они думают, что обладают тем, чем не обладают; что они одни имеют то, чего они одни не имеют.

10. И многие другие, лучше же сказать, все их учения можно было бы исследовать, показав, что они суть на самом деле. [Однако мы не будем этого делать,] ибо нам стыдно за тех из наших [друзей], кто разделял это учение до того, как присоединиться к нам, и, не знаю уж как, и сейчас еще у них остаются. Хотя они сами не отказываются от сказанного, — то ли потому, что [искренне] желают, чтобы их мнения

имели видимость истины, или потому, что думают, что в действительности так оно и есть, — однако сказанное нами было обращено к близким нам людям, но не к самим гностикам, а друзей больше убеждать и не нужно, чтобы избавить их от бремени не доказательств, конечно, — откуда бы они у гностиков могли взяться? — но самонадеянных утверждений [их учителей]. Таким вот образом говорили мы; однако, защищающему божественных мужей древности, высказавших столько прекрасного и согласного с истиной, следовало бы поговорить другим образом с теми, кто нападает на них с бессмысленной дерзостью. Так что не будем погружаться в детальный разбор; тем же, кто захочет исследовать это тщательнее, пригодится сказанное мною теперь для понимания и всех остальных их учений. Мне же остается здесь обсудить [еще одно] их учение, превосходящее все другие нелепостью, если это в самом деле можно назвать нелепостью.¹⁸ Они говорят, что Душа склонилась вниз, и вместе с ней — некая София, и то Душу мыслят причиной этого, то Софию, то говорят, что они суть одно; потом, они говорят, что все остальные души низошли тоже, и, как части Софии, облеклись в тела, например, тела людей. Затем, опять же, они говорят, что та, что послужила причиной нисхождения душ в тела, сама не низошла, т. е. не склонилась, но только просветила тьму, так

что только некий эйдол ее возник в материи. После этого они изображают эйдол эйдола, который возник где-то здесь, благодаря материи или материальности или чего-то, что они так называют — они употребляют то одно имя, то другое, называют и многие другие имена, чтобы затемнить сказанное; затем они создают существо, называемое ими Демиургом; он отступает от своей Матери и увлекает за собой происходящий от него космос до последнего предела эйдолов, словно для того, чтобы было удобней бранить написавшего [эту бессмыслицу].

11. Прежде всего, если Душа не низошла, но просветила тьму, разве истинно будет сказать, что она склонилась? Ведь склонилась — значит, что что-то лежало ниже ее, а она, в пространственном смысле, пришла к нему, и, оказавшись близко, его просветила. Но если Душа пребывала в себе и просветила его, не совершив в этом низшем никакого действия, то почему она одна оказалась просвещающей, а сущностно куда более могучие существа [в этом не участвовали]? Если в результате ее размышления о мире для нее возникла возможность просветить мир в результате этого самого размышления, то почему она не одновременно сотворила мир и его просветила, но ждала с просвещением, пока появятся эйдосы? Далее, они сами говорят, что замысел космоса, ко-

торый они называют «землей гостеприимной [обетованной]», возник благодаря более высоким силам, и этот замысел не увлек, однако, к склонению своих творцов. И почему материя, будучи просвещена, творит душевные эйдолы, а не природу тел? Эйдол Души отнюдь не нуждается во тьме или в материи, но возникнув, если он возникнет, последует за своим творцом и останется в теснейшей связи с ним. В таком случае, есть ли этот эйдол сущность или, как они говорят, энноэма [мысль]? Если этот эйдол Души есть сущность, то чем он отличается от своего источника? Если это иной эйдос Души, то поскольку та Душа — разумна, то он есть или растительная, или рождающая душа. Если это так, то как же [это согласуется с их положением, гласящим], что Душа творит ради почестей, благодаря дерзости и самомнению?¹⁹ Ибо, таким образом, вообще исключается возможность творения через фантазию и рассуждение. И зачем им вводить еще Творца, создающего мир из материи и эйдола? Но если этот эйдол Души есть энноэма, то, прежде всего, следует показать, откуда взято само это имя; потом — как он существует, если [Душа, творящая дерзостью,] не дает мысли [энноэмы] творческому акту. А если он — вымысел, то как сам творит? Они говорят, что сначала приходит это, потом — то, но всё это произвольно. Почему, например, первый — огонь?

12. И почему этот только что возникший [эйдол Души] взялся творить, вспоминая то, что видел? До своего возникновения его же, по сути, не было, и значит, не мог ничего видеть ни он, ни мать, которую они ему дают. И потом, как не удивиться: они сами — не образы Души, но истинные души, сюда пришедшие! Одной или двум из них, наконец, с трудом удастся покинуть космос. И вот, напрягая силы, они вступают в «воспоминание», смутно постигая то, что когда-то видели. А этот эйдол, даже если он смутен, как они говорят, сразу же понимает тамошнее, равно как и его мать — материальный эйдол, не только сразу же понимает тамошних и замысел этого космоса, но и знает, из чего этот космос мог бы возникнуть! Почему первоогонь он создал первым, думая, что именно он должен быть первым? Почему не что-то другое? Но если он был в силах создать огонь, помыслив его, то почему он сначала не помыслил целый космос, — ведь должно мыслить сначала целое [а потом уже части в нем,] — и тем самым не создал сразу весь космос? Ибо составляющие [необходимо] уже содержатся в представлении целого космоса. Творец осуществляет творение скорее подобно природе, не как ремесленники [художники], ибо искусства [ремесла] позднее природы и космоса. Даже сейчас в природных существах, являющихся частями мира, не возникает сначала огонь, потом

нечто другое, потом смесь их. Напротив, все живое существо очерчено и уже напечатлено в эмбрионе. Почему же и там материя не очерчена образом космоса, в котором земля, огонь и все остальное? Все это свидетельствует о том, что они, обладатели истиннейшей души, непрочь творить космос именно таким образом; Творец же попросту не знал, что творил! Но провидеть и величину неба или, лучше сказать, его точный размер, и склонение зодиакальных знаков, и круговращение [планет] под ними, и Землю, провидеть все таким существующим так, что можно назвать причины [его существования именно таким образом] — это не может быть делом эйдола, но всецело относится к силам, пришедшим от наилучших принципов. С чем и они невольно соглашаются. Ибо, если исследовать [их] «просвещение тьмы», то это сделает их согласными с истинной причиной космоса, ибо почему должна Душа просвещать, если не в силу необходимости ей быть всецело [Душой]? Это [просвещение] либо согласно природе [Души], и тогда существует вечно, либо против ее природы. Если против природы, то и Там [в самой божественной Душе] будет это «против природы», тогда будет и множество зол прежде этого мира, и не этот космос будет причиной их, а тамошнее зло будет причиной зла в нем, зло будет распространяться не от этого мира к Душе, но от нее к этому миру,

и такое учение [необоснованно] вознесет космос к Первым [началам]. Если же космос, то и материю, из которой он появился. Ибо Душа, как они говорят, склонившись, увидела и осветила уже существующую материю. Но откуда же сама тьма? Если они собираются сказать, что Душа создала ее своим склонением, тогда, очевидно, ей некуда было бы склоняться и сама тьма не была причиной склонения, но природа самой Души. Но это то же самое, что считать причиной падения предшествующую необходимость, и тем самым возводить [зло] к Первым [началам].

13. Бранящий природу космоса не понимает ни того, что он делает, ни того, куда ведет его дерзость. Это так, потому что они не знают порядка [чинов] следующих друг за другом [существ]: первых, вторых, третьих и вплоть до самых последних, [не понимают], что не подлежат порицанию те, что хуже первых, но что следует кротко принимать природы всех существ, поспешая созерцать первые; следует прекратить [разыгрывать] трагедию страхов, которая, как им представляется, происходит в космических сферах,²⁰ которые в действительности «всё делают приятным»²¹ для них. В самом деле, что в них ужасного, чем они пугают людей несведущих в учениях, не слышавших систематического и стройного

«гнозиса»? Ибо если тела их [сущест^в, обитающих в небе] огненны, то это вполне соответствует Вселенной и Земле, не следует их бояться, но следует взглянуть в их души, ведь и самих себя гностики ценят благодаря им. Однако и тела звезд, отличаясь величиной и красотой, помогают и содействуют возникающим согласно природе, чего не произошло бы, сущест^{вуй} только Первое; они восполняют Вселенную и суть самая значительная ее часть. И если люди имеют некоторое достоинство, сравнительно с животными, то куда большее достоинство имеют звезды, ибо присутствуют во Вселенной не ради осуществления тирании, но как дающие ей красоту и порядок. То, что называют «возникшим от них», есть знаки, указывающие на имеющее быть в будущем: поскольку со всеми сущест^{вами} не может происходить одно и то же, то причиной различия служат и случай, и обстоятельства рождения, и удаленность мест, и [внутреннее] расположение душ.²² И, опять говорю, не нужно требовать ни чтобы все люди были хороши-ми, ни, раз уж это невозможно, чтобы были готовы порицать мироздание, требуя, чтобы этот мир ничем не отличался от Того [умопостигаемого космоса]; следует требовать, чтобы зло полагалось чем-то иным, нежели недостаточность рассудка, умаление блага и вечная устремленность к более ничтожному, как это выходит у говорящего, что природа [т. е.

принцип возникновения как таковой] зла, поскольку природа — не чувство, и чувственное — поскольку оно не разум. В противном случае, они необходимо будут утверждать наличие зол и Там, ибо и Там Душа хуже Ума и Ум ниже Другого [т. е. Единого].²³

14. Более же всего они оскверняют чистоту пребывающих Там [высших сил] иным способом. Они записывают молитвы-заклинания, считая их обращенными к ним, не только к Душе, но и к высшим Души [существам]. Что же происходит? Или колдовство, или обворожение, или ввержение в страсти слушающих их; [действительно,] словом [у них] добиваются повиновения и лидерства, особенно если кто-нибудь из них будет лучше других произносить известным способом [эти молитвы] и песни, и припевы, и воздыхания, и присвисты, и все остальное, что, как у них написано, имеет магическую силу Там. Если же они не хотят этого сказать, то зачем голосами обращаются к бестелесным? Таким образом, пытаясь придать видимость величия своим словам, они, не понимая того, лишают величия высшие силы. Они говорят, что очищают себя от болезней; если бы они говорили, что это происходит благодаря умеренности, космичности [т. е. упорядоченности и украшенности] образа жизни, то говорили бы правильно, поскольку именно это говорят и философы, однако они

утверждают, что болезни суть демоны и что они способны изгнать их словом; благодаря этому они приобретают величие в глазах большинства, удивляющегося магическим силам; но они отнюдь не убеждают этим людей рассудительных, не убеждают в том, что причина болезней находится либо в изнурительном труде, либо в пресыщении, либо в недоедании, либо в загнивании, либо вообще в тех изменениях, которые имеют начало вовне или внутри [тела]. Это проясняют и способы их излечения. Ибо [они] промывают желудок или дают больному лекарство, выводя болезнь вниз и наружу, пускают для этого также и кровь, используют и голодание. Что же, [если болезнь есть демон, то] оголодал что ли демон, или, может быть, лекарство его изнурило? Вышел он или остался внутри [по выздоровлении]? Если вышел, то почему? Что на него воздействовало? Возможно, он питался болезнью. Но и тогда болезнь есть нечто отличное от демона. Если [болезнетворный] демон [беспрепятственно] входит в человека, в котором нет никакой причины для болезни [, вызывая тем самым болезнь], то почему люди не болеют всегда? Если же причина [болезни] все-таки была, то зачем нужен демон, чтобы была болезнь? Причины лихорадки достаточно, чтобы произвести лихорадку. Смешно предполагать, что как только возникает причина, тут же наготове и демон, только и

ждуший, чтобы появиться. Однако, ясно, для чего именно это они говорят, и ясно — для чего говорят, потому мы и упомянули об этих демонах. Остальные их учения я оставляю исследовать вам по их книгам, и видеть, что во всем наш вид философии стремится достичь, кроме других благ, и простоты характера вместе с чистотой мысли, святости, а не гордости, смелости, сопряженной с разумом, великой верностью, осторожностью и осмотрительностью; и все остальные учения должны поверяться этим. Другие [гностические] учения во всем себе противоречат; ничего о них больше не скажешь; да и не пристало нам о них больше говорить.

15. Теперь, от нас не должно ускользнуть то впечатление, которое производят их слова в душах людей, убежденных ими презирать космос и то, что в нем. Ибо существуют два учения о цели человеческой жизни — одно полагает конечной целью телесное удовольствие, другое выбирает красоту и добродетель — это учение тех, чье стремление из Бога и в Бога (это нужно рассмотреть в другом месте). Эпикур, изгнавший Провидение, советовал преследовать оставшееся — удовольствие и наслаждение; учение же гностиков еще более мальчишеское, с еще большей легкомысленностью оно бесчестит Господа Провидения и его само, бесчестит все законы этого мира,

поднимает на смех когда бы то ни было существовавшую на земле добродетель и умеренность; чтобы ничто красивое не могло быть увидено здесь, они изгоняют благоразумие и справедливость, от природы присущую нравам и усовершенствуемому разумом и аскезой, и вообще всё то, благодаря чему люди становятся ревностны и серьезны.²⁴ Так что им остается [опять же] и собственная, не общая для всех людей выгода; разве что у кого-нибудь из них природа окажется лучше этого их учения, согласно которому для них нет здесь ничего красивого, но есть нечто другое, чего они некогда достигнут. Но тогда «уже обретшим гнозис» должно стремиться отсюда прямо сейчас, а устремившийся должен немедленно исправиться, как «исшедший из божественной природы», поскольку та [божественная] природа есть сознание красоты и презрение к телесным удовольствиям. Но не имеющие добродетели вообще не могут двигаться Туда. О том, что дело с ними обстоит именно так, свидетельствует также и то, что ими никогда не было создано учения о добродетели, и о [различных] добродетелях нигде не идет у них речь, так что [исходя из их сочинений] нельзя сказать, ни какова сама добродетель, ни сколько она имеет частей, ни того, что об этом сказано много и прекрасно в трудах древних мужей, ни откуда возникает добродетель, ни как усваивается, ни как душа исцеляется,

ни как очищается. Ибо сказать: «Взирай на Бога» — еще не значит сделать что-то полезное, если не научить, как должно смотреть, поскольку кто-нибудь может сказать: «Что мешает мне взирать, отнюдь не отказываясь от удовольствий, будучи неукротимым в гневе; что мешает мне вспоминать имя Бога, будучи одержимым всеми страстями и не пытаюсь освободиться ни от одной из них?» Действительно, добродетель, возникающая вместе с рассудительностью в душе и идущая к своему завершению, являет Бога; без истинной добродетели называемое богом — пустой звук.

16. Опять же, нельзя, презирая космос и богов в нем, стать благим. Ибо все злые люди презирают богов, и если прежде человек не был всецело зол, то станет таким, презирая их, даже если и не был испорчен во всех отношениях. И, опять же, честь, которую эти люди, как они говорят, воздают богам умопостигаемым, будет им, пожалуй, несимпатична [т. е. будет неспособна актуализировать симпатическую связь между людьми и богами]. Ибо любя кого-то, человек любит и все родственное тому, к чему он нежен; он любит и детей того отца, которому благоволит; всякая же душа — чадо того Отца. И души в этих [небесных телах] — тоже, они — умны, благи и связаны с Теми более, чем наши души. Ибо как

существовал бы наш космос, будучи отсечен от того [умопостигаемого космоса]? Как находились бы в нем боги? Но об этом мы говорили и прежде, они же презирают существ, родственных умопостигаемым богам, потому что не знают последних, а лишь говорят об этом. А [утверждать], что Провидение не достигает ни этого мира, ни чего бы то ни было — разве это благочестиво? Как это согласуется с их собственными мыслями? Ведь говорят же они, что Бог промышляет о них, и, опять же, о них одних. Но промышляет ли Он о них только когда они возникают Там, или также и тогда, когда они существуют здесь? Если только Там, почему же Оттуда ушли? Если также и здесь, почему они все еще здесь? И почему Бог не есть здесь? Откуда тогда Ему знать, что они — здесь? И как Ему знать, не забыли ли они Его здесь, не стали ли дурными? Если же Он знает не ставших злыми, то знает и ставших, чтобы отличить одних от других. Он будет присутствовать во всем, и в этом космосе тоже, каков бы ни был способ Его присутствия, так что и космос будет Ему причастен. Если же Он отсутствует в космосе, то будет отсутствовать и в нас, и тогда ты ничего не сможешь сказать ни о Нем, ни о тех, что после Него. Достигает вас промысел Оттуда, или, в самом деле, думай о себе как хочешь, но космос имеет о себе то промышление и не оставлен им и не будет оставлен. Промысел

охватывает по-преимуществу целые существа и только потом уже их части, и та Душа куда более остальных причастна Богу; ее бытие, ее разумное бытие делает это ясным. Кто из вас, высокомерных безумцев, столь же упорядочен или разумен, сколь Вселенная? Даже сравнивать смешно и весьма нелепо; всякий, кто занялся бы этим не ради доказательства, не избежал бы кощунства. Этим не мог бы заняться человек разумный, но только глупец, совершенно лишенный чувства и ума; сколь же далек от видения умопостигаемого космоса тот, кто не видит этого! Какой видящий мелодии в умопостигаемом музыкант не взволнуется, слыша ее в чувственных звуках? Или какой знаток геометрии или арифметики не возрадуется, видя глазами соразмерное и упорядоченное? Даже рассматривающие изображения видят не только нарисованное и не только глазами, но узнают в чувственном подражание тому, что расположено в их мыслях, корибантствуют, вступая в воспоминание истины; из этого воспоминания восходят Эроты. Но один, видя красоту в лице, живо припоминает [истинную красоту], устремляясь Туда,²⁵ другой же, имея бездеятельный рассудок, настолько не способен к движению, что когда он видит всю красоту чувственного мира, все его пропорции, великое благоустройство, ясность эйдоса в звездах, несмотря на их удаленность, не возьмет этого близко

к сердцу, не воскликнет, объятый благоговением: «Каковы же Те, от которых эти!» Нет, ни этого не познал он мира, ни Того не видел.

17. Даже если они обрели свою ненависть к телесной природе, слушая Платона, много порицавшего тело как помеху душе,²⁶ назвавшего телесное всецело худшим, им следует [созерцать космос], отбросив телесную природу, чтобы видеть все остальное: умопостигаемую сферу, обнимающую эйдос космоса, бестелесные души в их чинах, определяющие, согласно умопостигаемому, имеющие быть величины тел и расстояния между ними так, чтобы величина имеющего возникнуть тела соответствовала величине неделимой парадигматической силы; ибо Там величие — в силе, здесь — в объеме [т. е. тяжести]. Если хотят, пусть помыслят круговое движение этой сферы, осуществляющееся посредством силы Бога, Который имеет [в Себе] начало, середину и конец этой силы, или пусть представят эту сферу еще покоящейся, поскольку движущая ее сила занята чем-то иным; такое представление весьма полезно для понимания вселенского руководства Души. Пусть поместят потом внутрь Души тело, и она ничего от этого не претерпит, но даст иному то, что каждое сможет взять, ибо зависть чужда богам;²⁷ таким образом, они, глядя на космос, должны были бы дать

Душе такую силу, какая потребовалось бы ей для того, чтобы украсить саму по себе некрасивую телесную природу, насколько она вообще может стать причастной красоте; эта же красота движет и божественные души. Если же они скажут, что их эта красота не трогает и нет разницы — видеть красивые или безобразные тела, то тогда не будет никакой разницы между прекрасными и безобразными занятиями, не будет ни красоты предметов наук,²⁸ ни красоты созерцаний, ни красоты Бога. Ибо эти вещи красивы благодаря Тем. И если не красивы эти, то некрасивы и Те; но после Тех красивы и эти. Они прекрасно делали бы, говоря, что презирают эту красоту, презирай они ее в мальчиках и женщинах, чтобы не впасть в распутство. Дóлжно учесть, однако, что они не превозносились бы, презирай они безобразное, но они превозносятся, потому что презирают то, что ранее называли красивым. Но как они [вообще] различают [прекрасное и уродливое, если здесь никакой красоты не присутствует]? Кроме того, следует учесть, что не одна и та же красота в целом и в частях, во всех отдельных вещах и во Вселенной; следует учесть, что если такова красота в вещах чувственных и частных, какова, скажем, красота демонов, вызывающая восхищение их Творцом и веру в то, что они Оттуда; если она такова, что здесь нет средства ее высказать, [то мы все равно] не оста-

навливаемся на ней, но идем к тамошней красоте, не порицая и здешних красот; если же здешние красивые вещи красивы еще и изнутри [т. е. внутренней красотой], то красоты созвучны друг другу; если же внутреннее в здешних красивых вещах дурно, то они лишены лучшего. Нет ничего существенно [истинно] красивого внешне, что было бы безобразно внутри, ибо то, что внешне всецело красиво, имеет место благодаря власти внутреннего. Те, кого называют красивыми, притом что они испорчены внутри, имеют ложную внешнюю красоту. Если же кто-нибудь скажет, что видел внешне существенно [истинно] красивых людей, внутренне же дурных, то я думаю, что он не видел [существенности их красоты], но [видя их внешнюю красоту] полагал красивыми иных, нежели эти люди. Если все-таки допустить это, тогда их испорченность будет позднее приобретенной, не относящейся к природе этих [изначально] красивых людей, ибо многое здесь [в дольном мире] мешает достижению совершенства. Но что могло бы помешать Вселенной быть прекрасной внутри? Тем, чьей природе не было дано совершенства изначально, вполне возможно и не стать совершенными, и даже возможно стать дурными; но это невозможно для Вселенной, которая никогда не была несовершенной как ребенок, которому еще надлежит развиваться и прибавлять в теле. Ибо откуда

могло бы что-нибудь приложиться к ней? Она ведь есть всё. Тем более ничего [нового] не могло бы прибавиться к Душе. Если же к Душе все-таки что-то прибавилось, — уступим им в этом, — то оно не было чем-то дурным.

18. Но, возможно, они будут утверждать, что их учения учат избегать тела, делают человека ненавидящим его издали, наши же — удерживают его при теле. Это подобно тому, как если бы были два человека, живущих в одном красивом доме. Один ругает при этом и его устройство, и его создателя, однако же остается в нем. Другой не ругает, но говорит, что его создатель выстроил его со всевозможным мастерством, и он выжидает время, когда сможет уйти, когда он более не будет нуждаться в этом доме. Первый может думать, что он мудрее, что он лучше готов к исходу, поскольку [постоянно] твердит о бездушности составляющих этот дом камней и бревен, потому что [привык повторять, что] этому дому многого не достает, чтобы быть ему истинным жилищем, не зная, что он отличается от второго разве что неспособностью выносить необходимое, не досадуя и принимая с любовью красоту этих камней. [Он не понял], что пока мы имеем тела — нам должно пребывать в домах, устроенных для нас Душой — нашей благой Сестрой, которая обладает великой силой

несуемого созидания. Но они, похоже, скорее «устаи безумными»²⁹ поприветствуют негоднейшего из людей братом, нежели назовут братьями Солнце и небесных богов, а Душу космоса — Сестрой. Ибо, в самом деле, не должно дурным родниться, но только ставшим благими, и не телами только, но и душами в телах, обитающими в них способом, максимально близким к способу обитания Души всего в теле Целого. Это значит не испытывать и не откликаться на удовольствия или зрелища, привходящие в нас извне,³⁰ не смущаться, встречая жестокость. Душа мира невозмутима, ибо не имеет ничего, что могло бы ее смутить; мы же, пока мы здесь, должны добродетелью отражать удары [, наносимые нам извне], отчасти уже ослабленные величиим [нашего] понимания, отчасти же не способные нас достать благодаря нашей силе. Приблизившись к неуязвимости, мы сможем подражать всеобщей Душе и душам звезд; максимально уподобившись им, мы устремимся к тем же, что и они целям, будем иметь одни и те же предметы созерцания, будучи хорошо подготовлены к этому природой и упражнениями, они же [т. е. души звезд] изначально имеют это. В самом деле, даже если гностики и говорят, что они одни способны созерцать, им не увидеть большего [, нежели звезды]; этого не может быть и потому, что, как они говорят, им, умерев, надлежит уйти из этого мира,

звездам же — нет, но [им суждено] всегда украшать небо; они говорят это благодаря тому, что не знают по опыту, что́ есть «бытие вне» и [не ведают] способа, каким «Душа всего заботится о целом неодушевленном». ³¹ Итак, можно не любить тело — и становиться чистым, и презирать смерть, и знать лучшее, и стремиться к нему, и не завидовать другим людям, которые способны стремиться и всегда стремятся [в горнее], не говорить, что они не стремятся, не впадать в то же состояние, что и те, которые говорят, что звезды неподвижны, потому что их чувства показывают им их покоящимися. Потому они не думают, что природа звезд взирает вовне [материального мира], что не видят того, что их души пришли извне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь Плотин ссылается на предыдущую часть трактата: см.: *Enn.* V. 5. 13. 33–36.

2. Здесь и на протяжении оставшейся части главы Плотин не столько занят разбором специально гностицистических положений, сколько критикой взглядов, которые имели хождение в платоновской школе и которым он сам одно время сочувствовал. Идея о существовании двух или более Умов возникла, по-видимому, в процессе обсуждения платоновского *Тимея*, 39e при по-

пытках понять связь между умом Демиурга и умопостигаемой моделью космоса; вопрос этот вызвал продолжительные споры в среде платоников (как вызывает их и до сих пор — уже среди современных философов). Амелий, согласно Проклу (*In Timaeum*, III. 268a, p. 103. 18 ff., Diehl), приходит к выводу, что эти три Ума — «пребывающий в покое», «обладающий всеми» и «созерцающий» — в значительной мере повлияли на дальнейшее развитие неоплатонической доктрины (см.: Dodds on Proclus. *El. Th. Prop.* 167). В самом начале ранних заметок, собранных Порфирием в трактате III. 9, Плотин выдвигает различие между Умом «в покое» и иным, который есть «энергия, исходящая от того [умопостигаемого Ума] и его видящая», что очень сходно с критикуемым здесь положением. Это различие, вероятно, восходит к Нумению, чья мысль была близка гностицизму (см.: Dodds on Proclus. *El. Th. Prop.* 168). Доддс также считает, что Нумений может являться автором и другого критикуемого здесь различия: между Умом, который мыслит, и тем, который мыслит, что он мыслит. Сходные идеи были, конечно, распространены и среди гностиков, но нельзя забывать, что они всерьез выдвигались и в Платиновом кружке, хотя в ином понимании, чем у гностиков. Сами гностики, в частности Валентин, заимствовали некоторые из своих идей от платоников и неопифагорейцев, что дает возможность говорить о взаимовлиянии.

3. Фраза из Платона: *Федр*, 246с. Из контекста ясно, что Платон говорит только о падении *человеческих* душ; но прочитав фразу в отрыве от контекста, нетрудно себе представить, как гностики могли извратить ее, дабы привести в соответствие с собственной доктриной.

4. См. сочинение коптских гностиков, которую издали С. Schmidt (в *Koptisch-Gnostische Schriften I*, Leipzig, 1905: ed. altera ed. W. Till. Berlin, 1954) и С. А. Baynes (*A Coptic Gnostic Treatise contained in the Codex Brucianus*. Cambridge, 1933). О новой Земле сказано у Шмидта на с. 352, 6–12 и у Байнса на с. 136. Никофей, один из авторов, которому приписывают некоторые духовные гностические откровения, и о котором упоминает Порфирий в *Жизни Плотина* (гл. 16), предстает перед нами именно в этом коптском трактате.

5. Παροίκησις, μετάνοια и ἀντίτυποι появляются в трактате коптских гностиков, упомянутом в предыдущем примечании (с. 361, 35 – 362, 3 у Шмидта; с. 180 у Байнса). О весьма неопределенном и неустойчивом значении этих терминов см. рассуждение в *Entretiens Hardt V*, p. 181–182 (ἀντίτυποι) и p. 189–190 (μετάνοια и παροίκησις).

6. Платон. *Государство*, VII. 514a ff.

7. См.: Платон. *Федон*, 111d ff.

8. *Тимей*, 39e 7–9.

9. Снова Плотин имеет в виду «гностических» платоников, претерпевших влияние Нумения (см. прим. 2).

10. См. высказывание Порфирия о гностиках: *Жизнь Плотина*, гл. 16. 8–9.

11. См.: Платон. *Тимей*, 37с 6–7.

12. О законе необходимого хода развития см. гл. 3 данного трактата. Плотин всегда настаивал на том, что вечному созданию Вселенной не предшествует никакое планирование: см.: *Enn.* V. 8. 7.

13. Плотин настаивает, что тела небожителей (видимых небесных тел) хотя и материальны, однако всецело превосходят наши «земляные тела», будучи вечными, бесстрастными и не препятствующими деятельности Души: см. *Enn.* II. 1 и IV. 4[42]. 24–30.

14. См.: *Enn.* III. 2[47]. 8 и 15.

15. Возможно, Плотин имеет в виду *Законы*, 983e6–984a2, где о небесных богах говорится, что они или сами суть боги, или образы, созданные самими богами.

16. См.: Св. Ириней. *Против ересей*, II. 30, где выражается столь же возмущенный протест против претензии гностиков на превосходство над Творцом и Его творением.

17. См.: Платон. *Государство*, IV. 426d8–e1.

18. Отсюда и до конца гл. 12 Плотин оспаривает гностический миф, наиболее известная версия которого содержится у Валентина. Мать София, возникшая в результате сложной последовательности событий после ниспадения высшей Софии, и ее отпрыск

Демиург, низший и невежественный создатель материального космоса, — образы, характерные для валентиниан (см.: Св. Ириней. *Против ересей*. I. 4 и 5). Валентин жил в Риме, и нет ничего удивительного в наличии там валентиниан во времена Плотина. Но свидетельство Порфирия (*Жизнь Плотина*, гл. 16) наталкивает на мысль, что гностики из Платинова окружения принадлежали, скорее, к более старой секте сефиан, или архонтиков, имеющих отношение к офитам и барбело-гностикам: возможно, они называли себя просто «гностиками». Гностические секты легко перенимали идеи друг у друга, поэтому неудивительно, если Валентин позаимствовал часть своих представлений о Софии из более ранних гностических источников, и, в свою очередь, оказал влияние на последующих гностиков. В обнаруженной в Наг-Хаммади библиотеке, принадлежащей предположительно гностикам-сефианам, содержатся трактаты Валентина (см.: Риеш М. *Op. cit.* P. 162–163, 179–180).

19. Эта и сходные с ней идеи характерны для большинства гностических течений. См.: Св. Ириней. *Против ересей*. I. 29 (не валентиниановская система) и Климент Александрийский. *Строматы*, IV, 13, 89 (Валентин).

20. Космические сферы и управляющие ими архонты для гностиков были грозными преградами на пути следования души к высшему отечеству. Необходимо

было знать верную формулу для каждого из архонтов: см. заклинания офитов у Оригена. *Против Цельса*, VI. 31.

21. Реминисценция из Пиндара. *Олимпийские песни*, I. 48.

22. Более полный обзор Платиновой мысли о влиянии и знамениях звезд см.: *Enn.* II. 3, особенно гл. 7–8 и 10–15.

23. Плотин и сам бывал временами близок к мнению, что любая последовательность, по необходимости нисходящая от высшего к низшему, есть зло: см. *Enn.* III. 8. 8. 35–36 (происхождение Ума из Единого) и III. 7. 11. 15 ff. (происхождение Души из Ума). Но в целом такой вселенский пессимизм не характерен для Платиновой мысли.

24. Что касается оправданий гностиков на выдвинутые против них обвинения в безнравственности, см.: *Entretiens Hardt V.* P. 186–189.

25. См.: Платон. *Федр*, 251a 2–3.

26. *Федон*, 66b.

27. См.: Платон. *Федр*, 247a7 и *Тимей*, 29e1–2.

28. См.: Платон. *Пир*, 211c4–8.

29. Фраза заимствована из Гераклитова описания пророчеств Сивилл (Diels. Fr. 22b, 92). Гераклит употребил ее в положительном смысле, Плотин же, по своему обыкновению, поместил ее в совершенно иной контекст, изменив тем самым значение на противоположное.

30. См.: Платон. *Тимей*, 43b7–c1.

31. См.: Платон. *Федр*, 246b6.

